

УДК 821.161.1

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ СВОЕОБРАЗИЕ РАССКАЗА АЛЕКСАНДРА ВАМПИЛОВА «ПОСЛЕДНЯЯ ПРОСЬБА»

Терешкина Д.Б.

*ФГБОУ ВО «Новгородский государственный университет имени Ярослава Мудрого»,
Великий Новгород;*

*ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации», Новгородский филиал, Великий Новгород,
e-mail: terdb@mail.ru*

В статье предложен вариант анализа текста рассказа А. Вампилова «Последняя просьба», достаточно часто включающегося в программу изучения русской литературы XX в. в школе и вузе. Подвергнут критике взгляд на раннее творчество А. Вампилова как незрелое, несамостоятельное. Рассказ рассматривается с точки зрения отражения в нем поэтики чудесного, реализуемого в мотиве постепенного усиления ожидания искомого смысла бытия, в актуализации темы вечного и повторяющегося обновления мира, в сюжетных элементах «поворота», неожиданности, парадоксальности. Отдельного внимания удостоен именной рассказ (представлен агниографический контекст имен Николай, Лидия, Сергей), отмечена вариативность употребления одного имени (Сереза) и безымянность неизвестных герою персонажей, ставших переломным моментом в его личной судьбе. Агниографический пласт текста обнаруживается также в обращенности к душевному состоянию героя, в ожидании им смерти как избавления от телесных тягот, в смирении и принятии мира. Поступок, совершаемый героем перед смертью, становится одновременно чудом и осознанным действием, оправдывающим его «отложенный уход» из земного мира, придающим его обесценившемуся на время существованию смысл и надличностное значение.

Ключевые слова: А. Вампилов, рассказ, парадокс, чудо, случай, агниография, смысл

THE ARTISTIC ORIGINALITY OF THE STORY BY ALEXANDER VAMPILOV “THE LAST REQUEST”

Tereshkina D.B.

Yaroslav the Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod;

*Russian Academy of national economy and public administration (RANEPA) under the President
of the Russian Federation, Novgorod branch, Veliky Novgorod, e-mail: terdb@mail.ru*

The article offers a variant of the analysis of the text of A. Vampilov's story "The Last Request", which is often included in the program of studying Russian literature of the XX century at school and university. The view of A. Vampilov's early work as immature, not independent is exposed. The story is considered from the point of view of reflecting in it the poetics of the miraculous, realized in the motive of the gradual strengthening of the expectation of the desired meaning of existence, in the actualization of the theme of the eternal and recurring renewal of the world, in the plot elements of "turn", surprise, paradoxicality. Special attention was paid to the namesake of the story (the hagiographic context of the names Nikolai, Lydia, Sergei is presented), the variability of the use of one name (Seryozha) and the namelessness of characters unknown to the hero, who became a turning point in his personal fate, is noted. The hagiographic layer of the text is also found in the appeal to the mental state of the hero, in anticipation of his death as a deliverance from bodily hardships, in humility and acceptance of the world. The act performed by the hero before his death becomes both a miracle and a conscious action, justifying his "delayed departure" from the earthly world, giving his existence, devalued for a time, meaning and transpersonal significance.

Keywords: A. Vampilov, story, paradox, miracle, chance, hagiography, meaning

Рассказам А. Вампилова в исследовательской литературе уделено мало внимания. Несомненной вершиной творчества А. Вампилова являются его пьесы, ставшие событием в русской литературной и театральной жизни. Тем не менее рассмотрение художественного своеобразия рассказов Александра Вампилова представляется важным этапом в осмыслении специфики художественного мира писателя и драматурга в целом.

Цель статьи – предложить целостный анализ рассказа Александра Вампилова «Последняя просьба», востребованный в процессе обучения анализу художественного текста, а также в курсах по истории русской литературы XX в.

Материалы и методы исследования

Рассказ А. Вампилова «Последняя просьба» [1], написанный в 1960-х гг., используется в школьной практике в качестве произведения для внеклассного чтения, для олимпиадных заданий по литературе, для обсуждения нравственных проблем на классных беседах и т.д.; в вузах на занятиях филологических направлений подготовки студентов входит в число текстов, изучаемых в рамках дисциплин «Анализ художественного текста», «Русская литература XX в.». Исследуя драму А. Вампилова «Прошлым летом в Чулимске», Н.А. Белоконь пишет: «Своеобразие художественного

мира определяется особенным вниманием писателя к борьбе человека за истинно духовную свободу человека. Именно к духовной свободе и должны прийти герои пьесы. Намек на возрождение звучит неоднократно в монологах и диалогах героев, передается с помощью символики пьесы, а главным является то, что герои сами не утратили веру в свое духовное возрождение» [2, с. 50]. Действительно, очевидность моральных установок рассказа, его притчевый характер, новеллистическое построение сюжета, позволяющего сблизить рассказ с новеллами О'Генри (очевидно сходство рассказа «Последняя просьба» с рассказом «Последний лист» О'Генри [3, 4]), предполагает использование произведения в образовательно-воспитательных целях. Однако как оригинальное произведение рассказ оценивается невысоко, а Е.М. Гушанская в своем очерке о творчестве А. Вампилова без аргументации заявляет о буквальном заимствовании писателем сюжета из новеллы О'Генри с почти идентичным названием [3]. Нам представляется необходимым обратить внимание на художественные достоинства рассказа А. Вампилова, которые представляют самостоятельную ценность, а также на несомненное своеобразие решения темы.

Методы, предложенные в статье, сводятся к комплексному анализу текста, сравнительно-историческому подходу к интерпретации темы и мотивов рассказа, системному методу описания художественного мира произведения.

Результаты исследования и их обсуждение

Главным героем рассказа является старик Николай Николаевич, доживающий последние месяцы жизни. Ничем не примечательный человек, готовящийся к смерти и не желающий ее, опекаемый дочерью, тоже уже пожилой женщиной, и сыном, занятым человеком, время от времени коротко навещающим отца. Время повествования начинается осенью, сменяющейся вьюжной зимой, и Николай Николаевич выражает желание не умирать до весны, чтобы встретить землю красивой. «Хочется покинуть этот мир в цвету, чтобы оставить о нем хорошее впечатление», – с легкой иронией говорит он сыну. Наступает весна, природа оживает и преобразуется, но Николай Николаевич не испытывает ожидавшейся радости, потому что мир оставался жить в любое время года, а умирать оказалось нежелательным и во время весны. Дочь, Лидия Николаевна, впервые открывает окно, и Николай Николаевич теперь подолгу сидит у него, глядя на деревья рощи. У старой березы каждый

день встречались парень и девушка, и старик ждал их встречи в одно и то же время, радовался за влюбленных, только начавших свою взрослую жизнь. В какой-то момент Николай Николаевич замечает, что парень и девушка стали приходить под березу в разное время. «По всем признакам это была ссора», и герой переживает этот разлад как свою собственную драму. В один из дней разражается гроза, и Николай Николаевич мечется на постели, чувствуя, как жизненные силы покидают его. Но, когда гроза заканчивается, он, словно очнувшись, просит пересадить его в кресло у окна и позвать сына, которому он озвучивает странную просьбу: сказать парню у березы, чтобы тот задержался на полчаса. Удивленный сын исполняет просьбу отца, а возвратившись домой, видит его в кресле, чуть отклонившегося в сторону, с чертами лица, застывшими в «спокойном, осмысленном движении». Сергей Николаевич не сразу понял, что отец умер.

Очевидная ясность рассказа, его главная мысль, заключающаяся в осознании стремления человека успеть сделать доброе дело, пока он жив, как будто не предполагает никаких скрытых смыслов и глубоких подтекстов. На самом деле, рассказ «Последняя просьба» словно идеально укладывается в канон нравоучительной литературы с прозрачной внешней формой, и потому, вероятно, он заслужил нелестные отзывы у критиков, всегда с некоторым высокомерием относящихся к таким «простым» произведениям «для широкого читателя». Однако, как бы ни были оправданы желания искушенных читателей о наличии в «истинно художественном» произведении сложной формы, неоднозначного смысла и т.д. и т.п., у любого человека такого рода истории вызывают то главное, к чему стремится настоящее искусство: катарсис. Ясное чувство преображения человека после встречи с прекрасным – действием, словом, мыслью – становится мерилем истинности художественного произведения в его цельности содержания и формы, какими бы искусными или бесхитростными они, на первый взгляд, ни были.

Рассказ А. Вампилова «Последняя просьба» при всей очевидности смысла и его выражения не так однозначен и, несомненно, оригинален, несмотря на явные сходства с иными произведениями мировой литературы. Писателю удалось найти те двигатели повествования, что держат читателя в напряжении и приводят к наибольшему напряжению чувств по его разрешению.

Повествование в рассказе охватывает достаточно протяженный отрезок времени

жизни героя: осень, переходящая в зиму, долгая зима, ожидание весны, постепенное пробуждение природы, превращение мира в «зеленый рай». Однако кульминация рассказа сведена к нескольким последним часам и даже минутам жизни героя: напряжение, достигающее пика в грозу, которую читатель, вместе с Николаем Николаевичем, переживает почти физически, разрешается в совершенном умиротворении по окончании разгула стихии. «Совершенно очевидно, что Вампилов в ранних рассказах воспринимает темы любви и природы как связанные друг с другом. Для него важно все настоящее, естественное, он отвергает все, что надумано» [4, с. 125]. Герой, умирающий после «завершенного» дела, переживает, таким образом, не агонию, естественную в таком случае, а сильное душевное волнение, приводящее к судьбоносному решению для тех, за кого переживал уходящий из этого мира человек. Поскольку решение это воплощается в жизнь не только самим Николаем Николаевичем, но и призванным на помощь его сыном, круг лиц, включенных в «проект» по примирению влюбленных, расширяется, и честь совершения благого дела принадлежит теперь не только герою, а и его детям – кровным (сыну и дочери, Лидии Николаевне) и «духовным» – тем молодым людям, по отношению к которым Николай Николаевич не мог остаться равнодушным. «У Вампилова спокойно и осмысленно уйти из жизни герою помогает не весна, не ожившая природа, которая может радовать человека, но не дает ничего большего. Спокойствие приходит с возможностью решить проблему других, незнакомых, но близких по общечеловеческим переживаниям людей. Именно содействие любви юных, возможность быть кому-то полезным приносит счастье и удовлетворение герою перед смертью» [4, с. 125].

У читателя не остается сомнений, что влюбленные смогут помириться. Иначе бы не воспринималось то, что успел сделать герой перед смертью, как его последнее «прижизненное чудо». Нет никаких оснований воспринимать героя как «святого», однако ощущение чудесного, «распределенного» на каждого из участвующих в его осуществлении, отчетливо осознается читателем. К этому как будто подводит все повествование: долгое ожидание героем весны, которая не оправдала его надежд, не принесла Николаю Николаевичу ожидавшейся им радости. Весна – равно как зима, лето и осень – это лишь внешнее проявление жизни. «То, что он ждал, пришло, но это оказалось не тем, чего

он хотел. Он хотел жить» [1, с. 34]. Герой словно чувствует, что его жизни, потерявшей смысл, недостает именно внутреннего наполнения. Недаром все в рассказе напоминает о душе: «ему хотелось в зеленый рай – в березовую рощу», «чьей-то одинокой, брошенной душой взмыли ошалелые метели, вселяя в сердце тоску», «Лидия Николаевна осторожно опустила голову к его груди и тихо плакала», «но в душе Николая Николаевича не было той радости, какую он ожидал с приходом весны», «на душе у него было так радостно и спокойно». Наконец становится понятным: неслучайно герой ждал весны, именно тогда он должен был совершить свое важное дело. «Дожить» Николаю Николаевичу суждено было не до «зеленого рая» в виде ожившей природы, а до душевного «рая», позволившего герою с радостью оставить этот мир – в который он, простой смертный, успел привнести хотя бы малую часть гармонии. Совершенное Николаем Николаевичем словно подтверждает этическую систему «человека поступающего», человеческой личности как субъекта поступков, для которого императивом является утверждение о присутствии человеку «не-алиби в бытии» [5].

Одним из приемов в тексте стало обозначение будущего на всех уровнях произведения. Николай Николаевич живет не всем своим богатым прошлым, а пусть и коротким и ожидаемо скоро заканчивающимся, но будущим. В рассказе сильны мотивы надежды, предвкушения, ожидания. Лейтмотивом звучит слово «первый»: первый снег, в первый раз Лидия Николаевна раскрывает окно в весеннюю рощу, первая гроза. Все в жизни Николая Николаевича как будто последнее (и даже последние силы покидают его, делая равнодушным к жизни). Но сама жизнь неутомима: она вечна, события ее повторяются из года в год, но все равно каждый год они случаются в первый раз. Это обновление герой почувствует лишь в самом конце своего земного пути, когда окажется в эту жизнь включенным.

Очень важна в рассказе символика имен. Ничем не примечательные русские имена середины XX в., еще и с бесхитростным удвоением в патрониме главного героя, они как будто лишены семантического веса. Однако читатель, которому в постсоветское время было возвращено религиозное, в том числе минейное, осознание определенной закономерности именования героев художественного произведения [6], считывает скрытые смыслы, заложенные в именнике рассказа. Николай, один из самых почитаемых у русских святых, по народному поверью, основанному на житии святителя,

помогает девушкам выйти замуж. Николай, архиепископ Мир Ликийских, спас трех дочерей разорившегося богача от участи наложниц, тайно подбрасывая дары в виде мешочков с золотом, чтобы каждая из дочерей могла достойно выйти замуж. Герой рассказа А. Вампилова, «дважды Николай», так же тайно (вернее, «сокровенно»), потому что сам дойти до юноши не мог) одаривает безвестную ему девушку задержавшимся на полчаса возлюбленным. Мотив чуда, которое не могло не закончиться человеческим счастьем, оказывается усиленным именем главного героя, отсылающим к имени тезоименитого ему святого. Вторит имени фамилия героя [7] – Смирнов. «Правильность» героя (традиционный уклад его семьи, любящие дети) поддерживается общерусским представлением о смирении как об одной из главных добродетелей человека. Святая Лидия почитается христианами как охранительница семейного очага, утешительница в страданиях – именно такая роль отведена в рассказе дочери главного героя. А его сын носит имя другого наиболее почитаемого на Руси святого – Сергия Радонежского, символа духовного объединения русского народа. Не поименованы в рассказе молодые люди, встречающиеся на свиданиях в березовой роще; так помощь в их воссоединении словно становится универсальной, как «духовным детям» в целом.

Примечательной оказывается смена имени сына героя в ситуации, когда Николай Николаевич призывает его для последней просьбы. Сергей Николаевич, занятой и солидный человек, именуется в последней речи отца «Сережей» («Я звал тебя, Сережа, – спокойно заговорил Николай Николаевич» [1, с. 37]). Герой излагает изумленному сыну суть своей просьбы. Именование Сергея Николаевича «детским» именем превращает взрослого человека в младшего, долженствующего подчиняться старшему мужчине в семье. Причем подчинение это происходит в атмосфере доверия и отеческой любви, в которой исполнение самой неожиданной просьбы не подвергается сомнению. Подчинившийся воле отца Сергей становится соучастником чуда, соратником в деле добра.

В целом соглашаясь с трактовкой рассказа, предложенной В.А. Тихоненко, позволим себе не в полной мере разделить умозаключение исследователя о том, что А. Вампилов «пишет рассказ с предсказуемым концом. Повествуя о больном умирающем старике, автор заранее обозначает финал. Внимание его сосредоточено на изменяющемся сознании умирающего, его закономерном желании острее почувствовать

жизнь. В итоге он понимает: главное в жизни – не весна, дарящая полноту эмоций, а сопричастность жизни других людей» [4, с. 125]. Согласиться с предложенным выводом можно лишь в том, что финал рассказа предсказуемо связан с душевным миром главного героя, в конце жизни мучительно ищущим смысл жизни, которую он хотел продлить усилием своей воли. Однако финал рассказа потому так силен с точки зрения переживаемых читателем эмоций, что читатель не мог предположить, как именно разрешится вопрос, поставленный героем. Более того: такого разрешения не ожидал, несомненно, сам герой. За все время, пока он наблюдал за встречами влюбленных и их разладом, Николай Николаевич переживал это, так же как и сами герои романтических отношений, не ведая, чем закончится испытание размовкой. Решение помочь им преодолеть разногласия стало спонтанным, неожиданным для него самого, вдруг пришедшим, как озарение, в минуты страдания во время грозы. Именно поэтому так удивлен и воодушевлен был старик в момент «вторжения», в качестве «героя-помощника», в чужую, но ставшую ему близкой жизнь других людей. Потому таким неожиданным становится окончание рассказа, вмиг из бытового повествования выросшего в сказочно-притчевую форму «чуда», отсылающего к агиографическому жанру. Чудо предсказать невозможно.

Важной составляющей художественной природы рассказа становятся парадоксальные сюжетные элементы, своего рода смысловые «пуанты» текста.

Обращаясь к дочери с просьбой поставить кресло поближе к окну, чтобы видеть встречающихся в роще влюбленных, Николай Николаевич произносит неожиданное «я опаздываю на свидание». Эта включенность в чужую жизнь словно возродила его собственную, и свидания неизвестных молодых людей стали личным событием для Николая Николаевича. Будучи воспринятой вне контекста, просьба героя воспринимается как буквальная, словно на свидание спешит лично он, что он – субъект любовных встреч. Тем сильнее впечатление от того, что старый человек, находящийся на пороге смерти, свиданием считает скрытое от них сопереживание другим, проживание их чувства вместе с ними. И, несомненно, страдание, если это чувство проходит проверку на прочность. Неслучайно сравнение, примененное автором к описанию состояния героя после испытания грозой, напрямую касается героя, словно преодолевшего преграду разлада с любимой: «Он сидел у окна улыбаясь, и, действительно, на душе

у него было так радостно и спокойно, будто ему двадцать лет и он только что помирился с любимой девушкой» [1, с. 36]. Примирение реальных героев, вынесенное за пределы рассказа, становится, таким образом, неизбежным, художественно обусловленным.

Еще одно сильное место рассказа – его окончание. «Николай Николаевич сидел в кресле, слегка склонившись в сторону. Черты лица его застыли в спокойном, осмысленном движении. Вернувшийся Сергей не сразу понял, что Николай Николаевич умер» [1, с. 37]. Длившееся долгие месяцы ожидание смерти завершилось почти мгновенно и в высшей степени неожиданно – когда, казалось бы, герой был готов жить дальше с новыми силами. Парадоксальность оказалась фактором обнаружения еще одного чуда – смерти героя как достижения радости, которой он так чаял с осени и случайно обрел в последние мгновения жизни. Усиление чудесного в рассказе, приближающего текст к агиографическому канону, усиливает нравственное наполнение текста, ощущение непостижимого в обыденном мире. «Парадоксальна печать жизни на лице умершего», – отмечает В.А. Тихоненко [4, с. 125]. Отметим, что склонность А. Вампилова к описанию чудесного, в том числе в раннем творчестве, не раз упоминалась исследователями (так, например, в новонайденных материалах рукописей А. Вампилова обнаружено стихотворение «Любовь у гроба», написанное в форме баллады [8, с. 329]). А.С. Собенников пишет о роли судьбы и случая в раннем творчестве А. Вампилова [9], ссылаясь на собственное признание писателя: «Случай, пустяк, стечение обстоятельств иногда становятся самыми драматическими моментами в жизни человека» [9, с. 153].

Заключение

Таким образом, рассказ А. Вампилова «Последняя просьба» предстает, при всей простоте и ясности формы, сложным смысловым единством, обусловленным многозначной системой художественных средств. Верным оказывается утверждение, что «хотя ранние рассказы Вампилова уступают пьесам в идейно-художественной значимости, он уже в них оригинален в решении проблемы человеческих отношений» [4, с. 125]. Добавим: и в решении выбора художественных средств для их изображения.

Список литературы

1. Вампилов А. Последняя просьба. Белые города: Рассказы, публицистика. М.: Современник, 1979. С. 32–37.
2. Белоконь Н.А. Особенности художественного мира А. Вампилова // Восточнославянская филология. Литературоведение. 2018. № 6 (30). С. 47–52.
3. Гушанская Е.М. Александр Вампилов. Очерк творчества. Л.: Советский писатель, Ленинградское отделение, 1990. [Электронный ресурс]. URL: http://e-rentier.ru.russofile.ru/articles/article_23.php (дата обращения: 08.10.2022).
4. Тихоненко В.А. Решение проблемы «Человек – природа – нравственность» в рассказе А. Вампилова «Последняя просьба» // Вестник БГУ. 2012. № 10. С. 121–126.
5. Бахтин М.М. К философии поступка. Собрание сочинений в 7 т. Т. 1 (Философская эстетика 1920-х годов). М.: Русские словари, 2003. С. 7–68.
6. Терешкина Д.Б. «Четьи-Минеи» и русская словесность Нового времени. Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2015. 332 с.
7. Саморокова Ю.А. Семантическое поле фамилий А. Вампилова // Научный альманах. 2016. № 1–3 (15). С. 260–262.
8. Фалалеева Е.О. Неизвестный Вампилов (по материалам музейного фонда культурного центра Александра Вампилова) // Материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения Василия Прокопьевича Трушкина (Иркутск, 23–24 сентября 2021 г.). Отв. ред. Ю.М. Брюханова. Иркутск, 2022. С. 328–335.
9. Собенников А.С. Судьба и случай в драматургии А. Вампилова // Сибирский филологический журнал. 2013. № 3. С. 153–160.